

**В вихре
времени**

Валерий БОЛЬШАКОВ

Меч
Вещего Олега

Фехтовальщик из будущего

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *А. Руденко*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 Меч Вещего Олега. Фехтовальщик из будущего / Валерий Большаков. — Москва : Яуза : Эксмо, 2016. — 448 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-92693-0

Ратный фантастический боевик от автора бестселлеров «Позывной «Колорад» и «Диверсант №1». Зброшенный в IX век, наш человек становится Вещим Олегом. В наше время он был спортсменом-фехтовальщиком, а искусство рукопашного боя в чести у русов, живущих по закону меча.

«Попаданец» завоюет свободу в боях русских викингов против норманнов и свеев.

Он сожжет вражеские драккары и прорвется через литвинские засады.

Он станет гриднем в дружине князя Рюрика и заслужит почетное прозвище Вещий!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92693-0

© Большаков В.П., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ГЛАВА 1 Вещий сон

Россия, Санкт-Петербург. 2007 год

...Отточенная стрела чиркнула Олега по плечу, располосовав кожу и пустив кровь. Пустяки, дело житейское. Не до того!

Уводили его девушку! Косматый викинг, по колено в воде, волок пленницу за косу, громко гогоча, а пленница лупила по волосатой лапе маленькими кулачками. Олег бросился к пирату, выхватывая самурайский меч катану. Викинг увидел Олега, но девушку не отпустил, только намотал косу на руку. Красавица не удержалась и упала на колени во взбаламученную воду. Мечи скрестились. Отбив удар, Олег в ярости рубанул разбойника по руке, вцепившейся в косу. Катана начисто оттяпала конечность, словно и не было стального обручья. Девушка упала на четвереньки, рыдая, выпутывала из волос кровавый обрубок в железной перчатке и глядела, глядела на Олега, не отворачивая зарезанного лица, не отрывая огромных умоляющих глаз.

— К троллям тебя, нидинга!¹ — прорычал Олег.

Высверк. Отбив. Высверк. Тень. Удар! Катана обрушилась на бычью шею трубно ревущего пирата, разва-

---

¹ Нидинг (*старонорв.*) — ничтожество.

ливая кожаный панцирь и отворяя вены. Рев перешел в клетот и захлебнулся. Колени морского разбойника подогнулись, в светло-серых глазах утасла последняя искорка сознания, и душа отлетела в мрачный Хель...¹

* * *

...Олега Сухова разбудил кот Онуфрий. Котьяра орал под дверью, требуя незамедлительно впустить, накормить и обогреть.

— С-скотина! — прошипел Олег, садясь в постели. Ведь минут десять еще можно было бы поваляться! Он протер глаза, тронул ладонью лоб. Лоб был мокрым. Ф-фу! Ну и сон! Боевик с элементами эротики, как пишут в аннотациях к фильмам. И какой яркий! Словно и не сон вовсе... Олег поднялся с развороченной постели и прошлепал к ковру на стене. На ковре была развешана коллекция — пара кинжалов, настоящий трехгранный мизерикорд, которым добивали рыцарей, пробивая латы насквозь, волнистый малайский крис, меч эпохи Каролингов. А на подставке-катэмото возлежала катана — та самая, из сна. Сухов любовно провел ладонью по ножнам сайя из дерева магнолии, покрытым черным лаком, сжал длинную, в три с половиной кулака, рукоятку, обмотанную ремешком из акульей кожи, и вытащил клинок. Металл, отшлифованный древним мастером, казался прозрачным, как серебристо-серый лед. Сквозь лезвие проступал узор, запечатлевший тысячи проковок. Морозный блеск меча завораживал...

По правде сказать, Олег и забыл уже, когда в нем проснулся жадный интерес к «стали разящей». В клас-

---

¹ Хель — ад.

се, наверное, третьем... Да, тогда боязливый Олежек, «мамсик» и «ябеда-корябеда», сам переступил порог клуба «Эспада», где экс-чемпион области по фехтованию учил мальчишей биться на шпагах. Фамилию экс-чемпиона Олег уже не помнил, а звали его Борис Борисович. Но все сокращали это обращение до Борь Борича. «Борь Борич, скажите Олегу! Чего он без маски дерется?» — «А сам?»

В старших классах Сухов занимался в секции саблистов, заработал даже первый юношеский разряд, но бросил спорт. Жило в нем какое-то неудовлетворение оружием, недоставало чего-то для полного счастья. А на первом курсе института Олег записался в группу кэндзюцу, увидел катану и был сражен ее холодной, убийственной красотой. Катана колола как шпага и рубила как сабля, и в то же время это был меч. И в душе Олеговой все сложилось, все срослось...

* * *

Онуфрий, почуяв хозяина, заорал благим матом.

— Щас! — рявкнул Олег.

Пройдя в прихожую, Сухов щелкнул замком. Дверь отворилась, и кот, благодарно муркнув, проник в помещение. И быстро-быстро протоптал в направлении кухни.

— Собака ты! — обозвался Сухов, но кот не отреагировал на оскорбление. — Только и знаешь, что жрать, жрать, жрать!

Онуфрий мявкнул в том смысле, что да, знамо дело, на том стоим.

— О духовном подумай, животное! — увещевал кота Олег, шагая на кухню.

Вскрыв баночку «Вискаса», он щедро вывалил угощение. Бездуховное животное вертелось тут же, тычась носом.

— Жри!

Пока Олег умывался, брился, одевался, кот успел слопать все дочиста.

— Мя-ау-у! — заявил Онуфрий, облизываясь и щурясь. Дескать, неплохо бы добавочки...

— Обойдешься, — буркнул Олег, приседая на табурет. — Мышей ловить надо!

Онуфрий, усвоив, что вторая порция ему не светит, вспрыгнул Олегу на колени и разлегся во всю их длину, довольно выпустив когти. Сухов погладил котяру, и кухню заполнило громкое мурлыканье.

А Олег постепенно переходил в фазу бодрствования. Сновидение в стиле экшен рассеивалось, заботы, вчерашние и вечные, возвращались и зудели в голове, как осенние мухи.

До конца погрузиться в реал помог звонок с мобильного. Олег поспешно достал верный «Нокиа». Звонил Стемид. Был он «мастером», устройтелем и постановщиком ролевых игр. Олег, реальный «цивил», ролевиков не жаловал, полагая, что «каждый сходит с ума по-своему». Оказалось, однако, что не всякая ролевка — «хоббитовы игрища», пристанище инфантов, повернутых на эльфах и орках. Стемид увлекался исторической реконструкцией, у него все было по правде, как в «эпоху викингов»: и мечи, и «доспешка». Правда, завлечь Олега ему не удалось. Сухова заманила Вика, красна девица, ткавшая полотенно по старинным правилам и одевавшая всех стемидовцев. Олегу же хотелось ее раздеть...

— Здорово, самурай! — проорал мастер жизнерадостно. — Как твоя жизнь?

Меч Вещего Олега. Фехтовальщик из будущего

— Мас-саракш! — поморщился Олег. — Убавь звук! Совсем контузил...

Стеמיד хохотнул и продолжил:

— Слушай, мы тут решили на полигон выбраться! На все выходные! «Толки»¹ обещали присоседиться, рыцари... Ну, не фест², конечно, но человек сто заявится. Отыграем ха-арошую такую боевочку-феодалку! Бугурт обещаю, и турниры будут, базар, пивка поьем... Ты как?

— Я за! — бодро откликнулся Олег. — И далеко ты собрался?

— Помнишь, где в прошлый раз полевка была? Ты тогда еще с гоблином схлестнулся!

— А-а! Это где «анизотропное шоссе»?

— Да-да-да! Вот по нему и шуруй. Как увидишь шатры, так и тормози. Место шикарное! Там же «запретка», местные пугаются. Тишина... Вода ключевая, хоть залейся! Дров — на три зимы хватит.

— А нас оттуда не турнут?

— Да не! Там не вояки, там физики окопались. Тау-электродинамика! Понял?

— Не-а! — честно признался Олег.

— Я тоже! Короче, подгребай.

— Ладно... А Вика будет?

— А как же?! — изумился Стеמיד. — Куда ж мы без Викулечки? И Наташка будет, и Рогнеда... Да все, считай! Так что не отрывайся от коллектива.

— Ладно, уговорил!

Сотик курлыкнул и высветил на экране безапелляционное: «Звонок закончен».

---

¹ Толки — поклонники творчества Толкиена.

² Фест — фестиваль, большой праздник ролевиков и реконструкторов. Бугурт — групповое сражение, турнир — дуэль один на один.

— Может, и вправду съездить? — спросил Олег Онуфрика.

Кот не ответил. Устав от ночных бдений, Онуфрий дрых, свесив хвост.

— Гулять, зверь, гулять! — скомандовал Олег, вставая.

Кот поначалу заупрямился, потом смирился. Спрыгнул и пошел, делая потягушечки. Онуфрий был зверем вольным — проживал в подвале и «держал зону», гоня Васек и Мурзиков со всего квартала. Сухова зверь навещал регулярно, а у Олега нога не поднималась дать пинка голодному представителю семейства кошачьих.

— Мя-ау-у! — затащил Онуфрий, переводя медовые глаза с Олега на запертую дверь и обратно.

— Подождешь! — пропыхтел Олег, скача на одной ноге и затагивая «липучки» на кроссовке.

Пригладив волосы, Сухов вышел из квартиры. И откуда ему было знать, что больше он уже никогда не отопрет эту дверь, обитую черным дерматином, не покормит Онуфрика, не плюхнется со стоном в разваленное кресло перед теликом? Жизнь закладывала крутой вираж...

ГЛАВА 2

Кесарю — кесарево

Ромейская империя¹,

Константинополь. 858 год от Р. Х.

Кесарь Варда выглядел бы истинным римлянином, какими запечатлевали в бюстах цезарей и августов, если бы не второй и третий подбородки. Тучный,

---

¹ Ромейская империя — правильное название для Византии.

но крепкий, с проседью в густых черных волосах, Варда все еще нравился женщинам. Мужественный профиль кесаря с широким волевым подбородком и крупным носом, с кустистыми бровями и высоким лбом так и просился на новенькие серебряные монеты. Его императорское величество Михаил Третий «Пьяница» пожаловал ему сан магистра¹ и назначил домашником схол². Кесарю — кесарево. Варда нахватал все титулы и звания, подобрался вплотную к трону и притулился сбоку от василевса ромеев, а по сути исполнял обязанности самого императора — алкаша и гуляки, «византийского Калигулы».

Варда поморщился и пришпорил коня — кесарь возвращался из имения-проастия. Следом пылила стража — полусотня архонта Асмуда, варанга из далекой страны Рос. Повывелись бойцы у ромеев, выродились потомки легионеров, все норовят золотом победить врага, а не железом, молитвой смиренной! А вот тавроскифы, эти варвары с Севера, не желали смирять гордыню и кротко подставлять щеки. Нет, они с великолепной уверенностью брали все, что хотела их душа и требовала плоть! Они наслаждались каждым мигом быстротечной жизни, выжимая из нее все утечи. Любить, так до безумия! Напиваться, так до смерти! Биться, так биться — с неистовством, сгорая от палящей ярости, презирая врага и погибель! Варда вздохнул. Он чувствовал опустошенность. Все его просьбы услышаны, все мечты сбылись — чего еще ждать от жизни? Пустота, холодная черная дыра разверзалась в душе и затягивала, затягивала... Хорошо

---

¹ Магистр — высокий титул, высший из тех, который мог быть пожалован не членам императорской семьи.

² Доместик схол — начальник телохранителей-схолариев.

Михаилу — напьется, и никаких забот! Да только пустоту в душе никаким зельем не наполнишь... Пробовал уже кесарь, тошнило долго, а толку — чуть. И девки тоже не помогают. Ни гетера Елена, черненькая очаровашка, ни Мария, первая жена протостратора¹ Василия, ни его Евдокия, вдовствующая сноха Варды, с которой он сожительствовал при живой супруге...

Все это, кстати, знали, но выводов не делали — Варда был родным братом василиссы Феодоры, регентши при непутевом Михаиле. Какие уж тут выводы...

Вполне вероятно, что, если бы ему и далее позволяли жить по своему хотению, кесарь Варда так и затерялся бы в безымянной людской массе, не оставившей по себе ни дел, ни даже слов, а лишь один кульгурный слой.

Страшный 856 год словно воздвиг губительные пороги в мерном колыпании жизни Варды, накрыл ледяной водой, сбросил с водопада, закрутил, поволок, притапливая... Великий логофет Феоктист, любимец василиссы Феодоры, коему она передоверила власть, невлюбил кесаря, а патриарх Игнатий прилюдно отказал ему в причастии — за аморальное поведение. Без разницы Варде была та евхаристия², но оскорбление, да еще на глазах у всех... Нет, этого Варда простить не мог. И не стал. Он выплыл из холодной стремнины и одолел пороги. Он посадил Михаила на императорский трон. Он удалил сестрицу от престола и сослал ее в дальний монастырь. Он сместил патриарха Игнатия и заменил его хитроумным Фотием. Он низверг великого логофета Феоктиста, никудышного правителя, полководца, проиг-

---

¹ Протостратор — старший императорский конюший.

² Евхаристия — обряд причащения.

равшего все сражения, а осенью того же года лично зарезал его светлость.

Теперь на коне он, Варда. Вот только куда скакать?..

Кесарь вдохнул теплый воздух — пахло чем-то неуловимым, бодрящим. Всепобеждающей жизнью? Плоды наливались в садах и виноградниках, пшеница поспевала в полях. Лето.

Дорога вывела кавалькаду к стене Феодосия — суровым и величественным укреплением, защищавшим Константинополь с запада. От Мраморного моря к Золотому Рогу тянулся обложенный камнем ров шириной в пятьдесят локтей¹. За ним поднималась зубчатая стена из отличного кирпича. За первую стеной вздымался второй ряд стен и башен, высотой в пятиэтажный дом. А дальше вставала третья стена с башнями вдвое выше второй. Твердыня!

Варда усмехнулся — это вам не деревянные заборы, обносившие какой-нибудь варварский Париж или Ингельхайм! Кесарь выехал на луг перед Золотыми воротами — трехпролетной триумфальной аркой, украшенной статуями Геракла и Прометея.

Ворота фланкировали могучие квадратные башни, а над проходом, над зубцами стены-перемычки выступала бронзовая квадрига², запряженная четырьмя слонами, уворованная в Остии — там она венчала храм Нептуна. Кесарь направил коня в средний пролет, предназначенный для императора. Нарушение? Конечно. Еще один повод злопыхателям перемыть косточки «этому Варде, вконец обнаглевшему!».

---

¹ Локоть — мера длины, приблизительно полметра.

² Квадрига — упряжка из четырех коней.

Наверное, подумал Варда, беда его в том, что он позволяет себе смелые и решительные поступки, тогда как иные никак не расхраблятся даже на смелые и решительные слова. А эти... балагуры только орать могут! Да пусть их... Те, кто «борется» на словах, за беседой в триклинии¹, не берутся за оружие. Пустобрехи разряжают свою ненависть в болтовне. С этими мыслями кесарь выехал на Месу, главную улицу Константинополя, роскошную и великолепную. На холмах вокруг, щетинившихся темной зеленью кипарисов, белели купола церквей и часовен, сверкали крыши золоченые, краснели черепичные. По обе стороны Месы тянулись портики, защищавшие пешеходов от дождя и зноя. Колонны, выломанные из эллинских и римских храмов, были и тонкие, и толстые, и граненые, и каннелированные, и круглые, и квадратные. Всех цветов и оттенков. Чудовищная смесь!

Особую пышность Меса обрела за старой стеной Константина, где в зелени садов утопали беломраморные дворцы. Это миленькое местечко так и называлось — Константианиана. А над золочеными крышами палат, словно призывая заблудившихся, свечой уходила вверх колонна Марциана — как маяк. Мысль плавно перешла к воспоминанию о другой колонне — Аркадиевой, обвитой спиральной лентой мраморного барельефа, прославлявшего победы императора Аркадия и отца его, Феодосия, разделившего некогда Римскую империю между двумя своими сыновьями. Вон она, торчит впереди, на форуме Феодосия. «Дурак ты был, Феодосий, — подумал Варда, щурясь на солнце. — Нельзя было делить Рим, никак

---

¹ Триклиний — трапезная.

нельзя... Деление — это умаление, ослабление вдвое, это раскол и распад. Дурак...»

Варда лениво перекрестился на храм и подумал: а не пора ли подкрепиться?

Цокот копыт стих — конь ступал теперь по коврам, расстеленным по восточному обычаю на мостовой. Варда ехал мимо мастерских оружейников, предлагавших мечи, щиты, шлемы, золоченые и изукрашенные, мимо двухъярусного акведука Валента, мимо дворцов, отделанных розовым мрамором, мимо мрачных боковых улочек, зажатых девятиэтажными кирпичными инсулами-многоэтажками, крытыми черепицей, нищими и грязноватыми и, разумеется, без каменных львов у парадных...

И форум¹ Тавра, плотно заставленный античными статуями, и форум Константина просто кишели народом. Толпа обтекала Варду, демонстрируя общество в разрезе — менял и купцов, кухарок и экономок, мистиев-поденщиков и горластых водоносов, муниципальных рабов-уборщиков и нищих босяков, деловитых чиновников, важных стражников, шустрых воров, константинопольцев и гостей города — пеших, конных, на осликах, ведущих на поводу верблюда... Муравейник.

От форума Тавра до самого Милия, откуда начинались и Меса, и все дороги империи, тянулись Царские портики, в которых укрывались лавки ювелиров-аргиропратов и их мастерские. Этот район так и назывался — Аргиропратий. А Меса уже впадала в устье свое — площадь Августеон, украшенную статуей Святой Елены-Августы. И здесь же был исток всяческим властям. На форум с севера выходил сенат — его ко-

---

¹ Форум — площадь.